

А.МАРТИ И КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Аликаева Л.С.¹, Ткаченко С.А.¹

¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия (360000, ул. Чернышевского, 173), e-майл sv_t2002@mail.ru

В предлагаемой статье рассматриваются проблемы происхождения языка в трудах А. Марти. В ней затрагиваются вопросы о том, какое влияние язык оказывает на наше мышление. Язык звуков является своеобразным способом общения, которому отводится довольно большая роль. Язык появляется вместе с развитием человеческой культуры, по мере возрастания потребностей человека в общении. Всесторонний обмен мыслями среди людей, живущих в одно время, и постоянная передача достижений более ранних поколений более поздним являются основными условиями прогресса всего рода. Вначале речь идет о «божественной» природе языка. Звуки и жесты рассматриваются в качестве основы возникновения языка. Некоторые философы, например де Бросс, Гердер и Тидеманн, придерживались теории о естественном возникновении языка. Впоследствии Гумбольдтом было доказано присутствие в языке разума.

Ключевые слова: язык, проблема происхождения языка, анализ, звуки, мышление, общение, разум, орган мыслей

A. MARTY AND CONCEPTS OF LANGUAGE ORIGIN

Alikaeva L.S.¹, Tkachenko S.A.¹

¹Kabardino-Balkarian State University named after H.M.Berbekov, Nalchik, Russia (360000, Chernyshevsky str., 173), e-mail: sv_t2002@mail.ru

The article discusses the problems of language origin in the works of A. Marty. It raises issues on the language effect on our thinking. The language of sounds is a specific way of communicating, which has quite a big role. The language appears with the development of human culture, the as long as human needs in communication increase. Full exchange of ideas among people living at one time, and the constant transfer of achievements of earlier generations to the later ones is the basic condition for the progress of the mankind. First, it is a "divine" nature of the language. Sounds and gestures are considered to be the basis of the language origin. Some philosophers, such as de Bross, Herder and Tidemann, held the theory of natural origin of the language. Later Humboldt proved reason existence in any language.

Keywords: language, the origin of language analysis, sounds, thinking, communication, reason, organ of thoughts

Вопрос о происхождении языка занимает особое место в лингвистике.

Цель данной статьи: знакомство с теоретическими основами учения о языке А. Марти, сыгравшими огромную роль в разрешении проблем происхождения языка. Труды великих ученых-лингвистов А. Марти, В. фон Гумбольдта заложили основы в вопросах изучения языка.

Язык появляется вместе с человеком и присущ только человеку.

Труды упомянутых выше выдающихся деятелей оказали огромное влияние на развитие науки о языке.

Если, принимая во внимания философию, спустя длительное молчание снова затронуть проблему происхождения языка, то это воспримется неохотно многими исследователями языка, так как сейчас почти повсеместно существует убеждение, что психологические соображения играют здесь весьма существенную роль. Многие

исследователи языка уже согласились с такими соображениями и отчасти отметили их точки соприкосновения с современной психологией (как, например, Х. Штейнталь). Однако в этих новых представлениях не хватает с этой точки зрения еще многого, и наша задача, по мнению А. Марти — отметить и восполнить этот недостаток [5:С.III].

Свое внимание А. Марти направил на пункты, которые предлагают психологический интерес и психологическую сложность; анализ здесь должен быть проведен так глубоко, чтобы везде хватало ясности и понятности [5:С.IV]. Философия сама имеет свой интерес к этой проблеме — чтобы ей предлагались прекрасные возможности применения и проверки психологических принципов. Еще более непосредственно она бы затронула другое исследование о языке: посредством влияния (полезного и вредного), которое язык оказывает на наше мышление, чтобы таким способом применить полученные научные данные в логике и метафизике.

Однако возникает вопрос: как артикулируемые звуки, выступающие в качестве средства сообщения, приобрели такое влияние на обособленное мышление, что впоследствии были отодвинуты в сторону для того, чтобы позже можно было бы их рассмотреть отдельно.

По мнению Марти, такое разделение исследования о происхождении языка и влиянии звуков на мышление является отклонением от некоторых более новых подходов к нашей проблеме; будет ли оно возможно, можно будет понять из самих экспериментов [5:С.IV].

Как полагает Антон Марти, каждый из нас обязан большей частью своего интеллектуального и этического образования обстоятельствам. Бесспорно то, что всесторонний обмен мыслями среди людей, живущих в одно время, и постоянная передача достижений более ранних поколений более поздним являются основными условиями прогресса всего рода. Поскольку язык звуков в этом общении предлагает удобное и совершенное средство, то на него выпадает большая часть благословений, которые скрывает в себе общение по отношению к отдельной личности и всему роду человеческому [5: с.2].

А. Марти утверждает, что язык в любом случае появляется в связи с развитием общей человеческой культуры, существенно обуславливая ее требования, с другой — обратно получая от нее требования [5: с. 2].

Со времен Платона до нашего времени этот вопрос занимал многие умы, и еще сейчас существует спор о точной формулировке ответа. И в данный момент особо важно сначала сделать выводы об основных теориях, чтобы наше исследование было полезным и продуктивным.

Не имеется преданий или прямого опыта о том, как возник язык, его происхождение имеет сначала мифологическую основу, впоследствии появились научные гипотезы. Раньше существовало мнение, что язык появился благодаря «руке божьей» [5:С. 5].

В полной противоположности к этому представлению, возникшему в поэзии верующих душ, находится первая гипотеза Марти, передаваемая посредством рефлексии, которая имело свое начало в период расцвета «философской спекуляции» в Греции и заняла господствующее положение в научных кругах древности. Данное представление обнаружило продукт человеческого искусства и изобретательность как в государственном устройстве, так и в языке. И согласно этому существовала популярная и самая в то время распространенная версия о том, были ли обозначения природы образованы в соответствии с их предметами или нет; но философы были единодушны в том, что передача имени сначала была делом сознательных человеческих взглядов.

Однако не было сделано попыток для более подробного изложения такого возникновения языка. Также исследования диалога Платона «Кратил», как считает А. Марти, ссылаясь на Т. Бенфея, не способствовали этому [2:С. 138].

Подобные попытки начались только во второй половине XVIII в., когда предпочтительно обсуждались вопросы ранней культуры языка, в том числе в Германии, что можно наблюдать в работе Пьера Луи Моро де Мопертюи [6:С. 349].

Вначале просматривались две трудности.

В соответствии с наблюдениями Марти наша природа не связывает артикулируемые проявления звуков с нашими мыслями, а человек в ходе размышлений идет на то, чтобы установить такие связи, и мы не знаем другого мотива для этого, кроме как желание передавать информацию. Однако оно могло возникнуть только в том случае, если уже имеется взаимопонимание и существует язык [5:С. 5].

Существует угроза того, что мы вовлекаем себя в заколдованный круг, в то время как мы пытаемся объяснить не только то, каким образом вообще получилось использовать какие-либо артикулируемые звуки в качестве средств выражения, а именно те, которые являются общепринятыми. Так как они, как говорил еще Аристотель, в основном никоим образом не подобны мыслям, а обязаны своим значением только лишь общей привычке употребления [1: с.1]. И тогда возникает вопрос: но на чем другом, кроме как не на взаимном соглашении, могла основываться эта привычка и не предполагала ли она язык?

А. Марти, взяв за основу мнение французского математика и философа Мопертюи, предполагает следующее решение этих вопросов: «В более раннее время кричащие звуки и определенные жесты, являющиеся естественным знаками внутренних состояний,

служили для необходимого общения между людьми. В качестве дополнительного инструмента общения употреблялись также жесты и кричащие звуки с произвольным значением» [5:С. 6].

С развитием общества возрастала изобретательность людей, которые склонялись к использованию более удобных средств артикуляции для образования различных знаков. Благодаря уже имеющемуся запасу понятных средств выражения появилась возможность договариваться о смысле этих новых условных средств выражения.

Такое решение вопроса может казаться абсурдным. По глубокому убеждению Зюсмилха, например, соглашение между различными народностями было бы невозможно, так как, учитывая их разбросанность, они бы развивали язык криков и жестов разными, непонятными друг для друга способами [5:С. 7]. Кроме того, большинство людей не были бы достаточно проницательны для того, чтобы распознать преимущество артикулируемого языка перед другими формами, и достаточно активны, чтобы заменить привычное на что-то новое.

Рассмотрим попытки А. Марти показать точки зрения различных философов на проблемы происхождения языка.

Й. Зюсмилх, например, пытается все представить в таком свете, что язык вообще никоим образом не следует понимать как труд человека, а, следовательно, рассматривать как непосредственный подарок бога. Ядро его аргументации, о чем свидетельствует сам А. Марти, составляет предложение, что изобретение языка могло быть только «трудом большого и совершенного разума», но без усовершенствованного языка разумное мышление невозможно [5: с. 7].

И не только один он придерживался таких взглядов.

Уже у Руссо попытка Э. Кондильяк объяснить язык известными человеческими силами разбудила наряду с другими уже упомянутые сомнения и уменьшила надежды на то, что такое производное слово вообще возможно [5: с. 7].

Подобного мнения о естественном возникновении языка придерживались другие мыслители, среди которых де Бросс, Гердер и Тидеманн.

Научный труд Гердера «О происхождении языка» (Berlin, 1772), свободный научный труд, «коронованный» академией в Берлине, был вызван таким же трудом Й. Зюсмилха. И в прямой взаимосвязи с ними и Тидеманн написал свой труд «Попытка происхождения языка» (Рига, 1772), также посвященный проблемам происхождения языка [5:С. 8]. Ядро последнего труда образует ответ на возражение, сделанное Зюсмилхом и Руссо, что причиной «изобретения» языка стало использование разума, а тот в свою очередь стал предпосылкой владения языком [5:С. 8]. Язык происходит из

бездны человечества, согласно которому его нельзя рассматривать как своеобразный труд и создание народов. Как полагает В. фон Гумбольдт: «...язык обладает открывающейся нам самостоятельностью, и, если смотреть с этой стороны, не является результатом деятельности, а является произвольной эманацией духа, не является произведением наций, а даром, доставшимся им благодаря их внутреннему мастерству...» [4:С. 5].

Рассмотренные ранее исследования о происхождении языка принадлежали в основном философам. Однако в нашем столетии такие исследования все чаще проводятся представителями сравнительной лингвистики, которая благодаря нахождению правильного метода стала наукой и начала стремительно развиваться. И поскольку при этом лингвистика и психология обязательно должны идти рука об руку, то при проведении такого исследования следует опираться на господствующие взгляды в психологии.

Прежде всего в этом отношении для нас важен В. фон Гумбольдт. Его представление о сущности и происхождении языка, которое значительно отличается от более ранних представлений, можно понять только при условии, если рассматривать открытия лингвистики вкупе с определенными представлениями господствующей философии. [5:С. 10].

Благодаря улучшенному методу это видение быстро сформировало совершенно новое понимание внутренней организации и развития языков. Изучение этого развития укрепило убежденность ученых в том, что язык был создан человеком; но в то же время оно доказывало, что это человеческое происхождение языка следует рассматривать под совершенно другим углом, нежели раньше. Этот новый взгляд не только выявил несостоятельность представлений Тидемана и некоторых других ученых о происхождении грамматических форм и синтаксических правил: теперь в общей структуре языка были выявлены постоянство и закономерность, которые раньше вовсе не считали чем-то, что могло быть изобретено человеком; считалось, что такие характеристики свойственны только живым организмам, которые уже на самой ранней стадии своего развития имеют совершенную структуру [4:С. 40, 85]. Но такая гармония и закономерность были обнаружены и в языках древних народов, которые не только не могли осознанно сформировать их, но даже не знали об их существовании.

Как оказалось, в языке присутствует большая доля разума, но также выясняется, что язык не является продуктом разума в таком же смысле, что и другие продукты духовного развития. В связи с этим господствующее в то время философское направление выдвинуло идею о том, что разум являлся не осознанной, а слепой причиной возникновения языка, или что они оба (разум и язык) как неразрывно связанные внутренне и внешне возникли из

«глубины человеческой души» [4:С. 32]. В пользу такой связи между разумом и языком также говорила ранее доказанная необходимость наличия слов для мыслей и их внутренняя переплетенность, что требовало более глубокого изучения языка и духовного своеобразия народов [4: с. 37].

Вот что пишет Гумбольдт: «Язык возник... из глубин человечества, которое запрещает рассматривать его в качестве своеобразного продукта и творения народов. Язык обладает открывающейся нам самостоятельностью (пусть даже необъяснимой по своей сути) и в этой связи является не продуктом деятельности, а произвольной эманацией духа, не творением народов, а перешедшим им внутренним даром» [4: с. 5].

«Язык — это образующий орган мыслей. Интеллектуальная деятельность — абсолютно духовная, внутренняя и протекающая в какой-то степени бесследно — выражается в речи посредством звуков и воспринимается чувствами. Следовательно, интеллектуальная деятельность и язык — это одно целое, они неотделимы друг от друга... Неразрывная связь между мыслями, голосовыми инструментами и слухом, с одной стороны, и языком — с другой, неизменно заключается в исконном, необъяснимом более детально устройстве человеческой природы» [4: с. 50].

Тем самым А. Марти демонстрирует нам тот факт, что Гумбольдт не одинок в таком понимании языка. В новое время оно нашло множество сторонников, и схожие точки зрения высказывались К. Хейзе и Э. Ренаном [5:С. 13].

Как свидетельствует А. Марти, опираясь на труды К. Хейзе, говорение и мышление являются для человека по его природе одним целым, простым действием, причем речь — внешней стороной этого действия, а мышление — внутренней. Говорение — это озвученное, ставшее реальным мышление. Звук — это не случайный или преднамеренный знак, а необходимое, значимое выражение духовного [3:С. 40].

Формирование языка вытекает из необходимости, без обоснованной цели и ясного сознания, из внутреннего инстинкта духа, т. е. в форме органической естественности [3: с. 35].

Затрагивая проблемы происхождения языка, Антон Марти обращает свое внимание также на труды французского философа Э. Ренана.

Во главе доктрины Э. Ренана стоит следующая мысль: «Говорение для человека является таким же естественным, что и мышление; и искать происхождение языка в человеческом намерении — это так же не по-философски, как и считать, что мышление тоже возникает преднамеренно. Кто будет утверждать, что способности человека являются его изобретением? Следовательно, изобрести язык как очередную такую способность было

невозможно. Поскольку язык является выражением и обличьем мыслей, то язык и мышление должны были возникнуть одновременно» [7:С. 91].

Следовательно, согласно Ренану язык является творением присущих человеку от рождения сил, но эти силы действуют неосознанно для человека и при непосредственном влиянии божественного начала.

Гумбольдт и другие ученые, придерживающиеся схожей с ним точки зрения, в резких выражениях отвергают более раннюю точку зрения о том, что язык возник посредством мышления, но при этом четко не объясняют, как же тогда возник язык.

Естественная сила, «языковой смысл» (*la faculte de la parole*) извлекает из инструментов нашего тела артикулируемый звук, и мы понимаем речь другого человека, потому что услышанный нами звук пробуждает в нас такую же силу, и с развитием этой силы непосредственно связан процесс, когда дети учатся говорить [4:С. 55]. Но эта языковая сила остается неизведанным элементом нашей души, и применительно к этому элементу мы не знаем такого закона, согласно которому при разных обстоятельствах он проявляет себя по-разному, – точный аналог жизненной силы, которая характеризуется разнообразным поведением, ростом, угасанием и прочими изменяющимися процессами в живых организмах. Когда говорят, что язык — это не что иное, как разум, проявляющийся инстинктивно и неосознанно (интеллектуальный инстинкт разума, или разум в своем естественном проявлении, или «*die raison spontanee*»), то это ничем нам не помогает, потому что этот образ деятельности разума является для нас новой силой, законов действия которой мы не знаем [5:С. 15].

Следует сказать, что, по мнению А. Марти, ни у Гумбольдта, ни у Хейзе и Ренана мы не находим ценной помощи в ответе на интересующий нас вопрос, полезных замечаний о развитии языка в целом и разных путях развития языка у разных народов; эти представления близки к теории, которая, поскольку она отрицательно определяет силы, задействованные в образовании языка, не в состоянии осветить определенные явления и, соответственно, принять их во внимание [5: с. 15]. Но эта сомнительная теория не только не в состоянии объяснить некоторые факты: рассматривая мышление и говорение в качестве одновременно возникших способностей человека, она находится в открытом противоречии с этими фактами. Как указывает А. Марти, для глухонемых звук не является «значимым и необходимым выражением духовного». Другие знаки выступают у глухонемых в качестве вспомогательных средств абстрактного мышления, так же как у нас – слова. Если язык является внешним проявлением мышления в другом и еще более узком смысле, нежели в смысле внешне прикрепленного к нему процесса и знака, то почему все языки на свете постоянно не следуют за нашими мыслями в качестве их внешних проявлений (ведь у всех

языков есть одинаковые основания для этого) и почему мысленные представления француза о волке, единице или двойке не отличаются от представлений немца, ведь называют они их по-разному. Но если сослаться на воспитание и привычку, которые отдали бы предпочтение так называемому родному языку, то мы получим объяснение всему этому с точки зрения психологии, и всякое мистическое единство сущности отпадет само собой. Немецкий ребенок учит немецкий язык по такому же принципу, как он узнает о многих других вещах без помощи языка, и как он учит французский, если он родился и растет во Франции [5:С. 16].

По глубокому убеждению А. Марти, точки зрения современных лингвистов (например, Х. Штейнталя, М. Мюллера, Х. Гейгера, У. Уитни и др.), различающиеся своими методами и полученными результатами, не привели ни к чему существенному в вопросах о происхождении языка [5: с. 16].

Но в противовес расхождению мнений ученых в прошлом, сегодня наблюдается взаимное сближение точек зрения исследователей. Все научные работы объединяет стремление понять язык исходя из исключительно человеческих способностей. Ученые сходятся друг с другом и в том, что источник происхождения языка не заключается в существенной связи между формированием мыслей и формированием звуков. Однако среди ученых продолжаются споры о том, является ли формирование языка осознанным и намеренными, или же неосознанным и ненамеренным. Но сторонники второго варианта рассматривают язык не как следствие внутренне присущей мысли необходимости «объективировать» себя или обнаружить себя, а как простое действие врожденных механизмов. На основании результатов исторических языковых исследований считается, что этот способ возникновения языка распространяется только на «дограмматические» составляющие языка, что сужает предмет спора ученых [5:С. 17].

При сравнении современных и уже известных, более ранних языковых состояний точная этимология обнаружила законы развития, которые, если бы они были применимы в более давние времена, отсылают нас к тому периоду, когда весьма ограниченное число звуков описывало предметы без грамматических особенностей, подобно жестам глухонемых или используемым детьми словам. Посредством слияния, употребления в переносном смысле и звукового изменения таких корней возник, как показало время, весь запас слов и словоформ.

Что касается слияния и метафоричного употребления, то современные ученые единодушны в том, что они осуществились с целью сообщения информации, т. е. осознанно; пусть при этом одни ученые отводят разумной рефлексии большую роль, а другие – меньшую. Насчет того, как возникли сами корни, мнения ученых расходятся. Одни ученые предполагают, принимая

во внимание научные исследования А. Марти, что у первобытных людей определенные артикулируемые звуки ассоциировались с определенными представлениями или мыслями, в то время как другие исследователи ищут причину возникновения первых слов, не прибегая к естественными механическим связям между словами и представлениями. Первое предположение ученых мы назовем нативистским, а второе – эмпирическим. Эти определения можно применить и к более ранним теориям. Тидемана, Мопертюи и иных можно назвать эмпиристами, а представление Гумбольдта является примером крайнего нативизма [5:С. 18].

Список литературы

1. Aristoteles. De Interpretatione cap. 2, 1853.
2. Benfey T. Über die Aufgabe des platonischen Dialogs: Kratylos, Göttingen 1866, P. 138, T.IX.
3. Heyse K. W. L. System der Sprachwissenschaft, 1856, P. 40.
4. Humboldt A. "Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Berlin 1835, P. 5, 32, 37, 40, 50, 55, 85.
5. Marty A. Über den Ursprung der Sprache. Würzburg, 1875, S. III, IV (Vorwort); S. 2,5-7, 8, 10, 13- 18.
6. de Maupertuis P.-L. M. Dissertation sur Les differents moyens dont les hommes se sont servis pour exprimer Leurs idees. Histoire de l'Academic etc. ä Berlin 1756. annéc 1754 p. 349 ff.
7. Renan J. E. De l'Origine du langage, 1858, P. 91.

Рецензенты:

Аликаев Р.С., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой немецкого языка ФГБОУ ВПО КБГУ им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик;
Кимов Р.С., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой английского языка ФГБОУ ВПО КБГУ им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик.